

ЕЩЕ НЕ ТАК ДАВНО мы порой побаивались слова, «трагедия», путая великое, очищающее душу понятие с расхожим, житейским пониманием этого слова. Мол, трагедия — нечто страшное, тяжкое, траурное. Это далеко не так. В литературе и в искусстве всякая подлинная трагедия — это доказано всеми бессмертными творениями человечества с времен Элады до наших дней.

Трагедия — это мощь и красота характеров, вселяющих в нас веру во всепобеждающую силу человеческую, в бессмертие правды и добра. А что может быть оптимистичнее этой веры! Трагедия говорит нам о том, на что способен человек, и заставляет нас верить в себя, в собственные силы.

Истинная трагедия не может быть просто написанной писателем, она должна быть выстрадана им, его воспаленной совестью.

В фильме и в повести «Батальоны просят огня» — та же боль совести, которая свойственна всем произведениям Юрия Бондарева, та же любовь к человеку, исполненная сострадания к нему, желания утвердить те нравственные принципы, без которых человечество не может существовать.

«...Вы сухарь, и я не могу считать вас человеком и офицером!» — говорит капитан Ермаков командующему дивизией полковнику Иверзеву.

Ситуация исключительная. Как известно, армия держится на дисциплине, на беспрекословном повиновении младшего старшему. Иначе армия превратилась бы в беспорядочное сборище людей.

Без жесточайшей дисциплины воевать было бы просто невозможно. Поэтому в дни войны армейская дисциплина с особой беспощадной строгостью охранялась военным трибуналом.

Капитан Ермаков совершил преступление, за которое он должен быть судим по законам военного времени. Но у литературы свои законы.

И хотя писатель, по замечательному определению Леонида Леонидовича, —следователь по особым важным делам Человечества, он ведет свое следствие совсем не так, как работники милиции или прокуратуры, и выводы этого следствия резко не совпадают с выводами следствия уголовного.

Героиня рассказа Алексея Толстого «Гадюка», стрелявшая в своих соседей по квартире, безусловно, подлежит осуждению по закону. Она совершила преступление, за что и должна быть наказана. Любимой из нас, если бы он был народным судьей, подписал бы приговор, ее осуждающий.

Но писатель так ведет свое следствие, что не только вопреки, а, может быть, в силу этого преступления все наше сочувствие на стороне героини рассказа. Мы вместе с ней ненавидим подлых людишек, ее соседей, с ядовитым шушуканьем их кухонных сплетен, с той оголтелой ежечасной, ежeminутной травлей, которой они изошренно пытаются исстрадавшуюся женщину, столько пережившую на своем коротком веку, героически воевавшую на фронтах гражданской войны.

И выстрел ее приобретает иное звучание. Более громкое. Звучание символическое. Вместе с ней как бы и мы сами стреляем в мерзкого, ненавистного нам обывателя, выползшего из своих нор в годы нэпа.

Благодаря этому выстрелу рассказ получает глубокий социальный смысл. Сталкиваются две эпохи — героические годы

гражданской войны, когда до желанного коммунизма, казалось, подать рукой, и трудно воспринимаемые вчерашними бойцами Красной Армии, но экономически необходимые стране для ее становления годы нэпа.

Да, писатель ведет свое следствие совсем не так, как милицейские работники. Думаю, что тот приговор, который вынес бы трибунал донскому казаку, бывшему в белой банде, Григорию Мелехову, — справедливый приговор, никак не совпадает с нашим читательским отношением к этому по-народному великому, многострадальному и красивому человеку.

Капитан Ермаков совершил преступление. Но наше безотчетное, эмоциональное сочувствие целиком на его стороне. И автор повести Юрий Бондарев, и создатели телефильма так вели повествование, что эта кульминация, подготовленная всем ходом событий, кажется неизбежной, и потому мы как бы разделяем вину капитана Ермакова. Он ведь ничего не совершил вопреки нашему отношению к событиям.

Полковник Иверзев оставляет на смертном рубеже батальоны, едва зацепившиеся за берег

ни, израненные, гибнущие в смертных муках и героически продолжающие сражаться. «Густо было там народу, наших стреленных ребят». Вместе с капитаном Ермаковым из окружения вырвались только пять человек. А какие замечательные люди, боевые друзья Ермакова, погибли: Бульбанюк, Орлов, бесшабашный, по-доброму нагловатый Жорка...

Что ж, приказ есть приказ. Война есть война. Войны не бывает без жертв. Это американцы накануне победы не входили в немецкие города, если оттуда раздавался хоть один выстрел. Когда же выстрел раздавался, они предварительно бомбили город, чтобы взять его без даже малых жертв со своей стороны.

Мы воевали иначе. Нам далась победа ценой миллионов человеческих жизней.

Когда мы читаем повесть Юрия Бондарева, когда мы смотрим новый телевизионный фильм, поставленный по ней режиссерами А. Боголюбовым и В. Чеботаревым, умом мы понимаем, что взятие согласно стратегическому плану города Днепра требует огромных жертв. Но сердцем, сердцем...

— по всему видно, подхалим и карьерист, спрятавшийся от окопного ада за спину начальства.

Все это так не вяжется даже с внешним видом капитана Ермакова, заросшего прокопченной орудийной гарью щетиной, в изорванной гимнастерке, дошедшего к своим на последнем пределе человеческих сил с планшетками и документами погибших товарищей.

И тут возникает тема, которая роднит повесть и фильм «Батальоны просят огня» с романом «Игра», тема, которая с давних времен болит в сердце писателя, — ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ.

Если бы полковник Иверзев, повинуясь сердечному порыву, обнял по-отцовски Ермакова, нашел бы теплые слова, как их нашел генерал Бессонов в романе Юрия Бондарева «Горячий снег», награждая славными и трудными орденами чудом выживших в немыслимой битве солдат, не было бы этой роковой фразы капитана Ермакова, не было бы и его ареста.

И в мирное время, и на войне как она нужна нам — Человечность! Самому волевому, самому талантливому военачальнику она необходима, ибо без нее

Капитан Ермаков — А. ЗЕРУЕВ, старшина Витковский — И. СКЛЯР.

Николай ДОРИЗО

СУРОВАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Полковник Гуляев — О. ЕФРЕМОВ.

Мы ведь успели так полюбить и Жорку, и Бульбанюка, и Орлова. Трудно, очень трудно смириться с жестокой неизбежностью их смерти, хоть кровь и пролита чедаром.

Наше эмоциональное состояние, а особенно состояние капитана Ермакова так нуждается сейчас в сочувствии большому горю потери близких нам прекрасных людей. И тут оказывается, что с этим нашим состоянием совершенно не в ладу ни характер полковника Иверзева, ни тот бездушный, металлический тон, с которым он отвечает капитану Ермакову, услышав от него о гибели батальонов.

«Ему было хорошо известно, что офицеры не любили его, однако никогда, даже сейчас, это его не беспокоило, — пишет в своей повести Юрий Бондарев. — Он считал, что не обязан внушать любовь к себе, а был обязан заставлять подчиненных выполнять свою волю».

Да, Иверзев знал, а еще больше чувствовал, что его не любят офицеры, и, может быть, как раз это его ожесточало, вызывая чувство протеста, еще более усиливавшего ответное чувство тайного недружелюбия к нему.

Полковник Иверзев нам неприятен. Честолюбив, высокомерен. Это чувство неприязни усиливается и от тяжелых, как бы защищенных от всех выстрелов стен помещения, похожего на крепость (находка, принадлежащая фильму), и от молодости его красивой жены, приехавшей к нему как раз в этот час на свидание. Особенно компрометирует его молоденький, необстрелянный, холеный адъютант с безупречной ничтошкой пробора

невозможно осуществлять даже выдающиеся стратегические замыслы, — ведь военачальник, особенно военачальник, воспитанный самым гуманным советским строем, имеет дело не с оловянными солдатиками, а с живыми людьми.

Генерал Бессонов в фильме «Горячий снег», глядя на уходящих в смертной бой солдат, не хочет думать о том, что каждого из них ждут живым — дети, жена, мать, — ибо тогда он не сможет взять захваченную врагом высоту. Но он понимает, что, если он не будет думать об этом, он перестанет быть человеком.

Образ Иверзева находится в теснейшей связи с образом полковника Гуляева, который является собой полную его противоположность, еще больше подчеркивает основную идею и повесть, и фильма.

Полковник Гуляев, этот безотказный рабочий фронта, любит солдат отцовской, порой ворчливой, строгой и нежной любовью. Тяжелораненный Кондратьев докладывает ему:

«Товарищ полковник... прицелы с нами». — «Что мне прицелы, сынок! — перебил полковник с горечью. — Что мне прицелы, дорогой ты мой парень... Орудия будут, а вот люди...».

Этот пожилой служивый офицер с его неподдельной добротой чем-то напоминает мне лермонтовского Максима Максимовича.

Здесь необходимо сказать о таланте, вкусе и мастерстве Олега Ефремова, играющего в фильме эту роль. Уж такова природа человеческая, что, как бы мы ни менялись с годами, в нас остается навсегда что-то глубин-

ное, неизменное. Может быть, поэтому в таланте большого писателя, о чем бы он ни писал, тоже есть что-то неизменное, нечто большее, чем своя тема. Это, скорее, свое сердце, свое дыхание.

В глубине таланта большого актера тоже есть своя неизменная, постоянная величина. Всегда оставаясь самим собой и даже в чем-то как бы напоминая себя в других ролях, он с помощью порой еле уловимых штрихов создает образ человека с характером, не похожим ни на одну роль, сыгранную прежде актером. Это он и хорошо нам знакомый, и при этом совсем не он. Дар перевоплощения отнюдь не исключает нечто неизменное в актере.

Олег Ефремов в этом фильме, пользуясь своей фактурой, своими духовными возможностями, создал характер неповторимый, самобытный, характер человека, полюбившегося нам.

Бондарев не был бы Бондаревым, если бы полковник Иверзев остался в нашей памяти как бездушный сухарь, робот войны, если бы он был нарисован одной только краской.

В тяжкую минуту, когда судьба наступления висела на волоске, Иверзев, проявив присущие ему волевые качества, не щадя жизни своей, не удержавшись на командном пункте, ринулся в самое пекло боя, чтобы повести за собой замешкавшихся солдат. Раненый, преодолевая боль, он остался в строю.

И тут к нему, разгоряченному боем и трудной победой, пришло как благодать чувство любви к человеку, нежность к нему. В повести так сказано об этой минуте его духовного просветления:

«Он делал шаг к солдату и крепко ценовал его, обнял здоровой рукой. Там прошел он вдоль всего строя батальона, а когда направились и Алексева, глаза его были странно опущены».

— Составить списки солдат, — сказал сдавленным голосом. — Весь батальон награждать. Всех! До одного солдата! Распорядитесь, Евгений Самойлович!»

В этом тяжком бою пришло к нему чувство кровного родства с людьми, которые все стали ему удивительно близкими.

Как бы преодолевая себя, он сказал: «Припишите капитана Ермакова...» Эти его слова вос-

принимаются не как желание автора повести и создателей фильма сгладить острые углы, привести повествование к благополучному концу, в них нет ничего нарочитого. Они естественны для Иверзева, как естественны в романе великого Толстого слезы Каренина у постели умирающей Анны, слезы всепрощения, омывающие его душу. Людям отнюдь не сентиментального характера такие минуты просветления даются не столь часто.

И тут мы, преисполненные сердечного тепла к Иверзеву, начинаем вспоминать и его презрительное отношение к своему адъютанту, высказанное ранее в одной резкой фразе, и то, что жену-то свою он отослал от себя сразу, прервав долгожданную встречу.

Хотелось бы сказать хотя бы несколько слов о любви и в повести, и в фильме.

Любовь эта, овеянная близким дыханием смерти, взятая на прицел вражеских орудий, обстрелянная из брешущего полета фашистскими самолетами, живет и празднует свою трепетную нежность, свою доверчивую молодость. И мать ее, медсестра Шура, преисполненная сострадания к раненным, шепчет: «Ничего, любимый мой, ничего, потерпи. Еще немножко потерпеть. Вот сейчас, вот и берег...» Эти слова шепчет она не своему любимому, а постороннему человеку. Невольно шепчет, чувствуя себя в эту минуту любящей невестой раненого.

Истари в русском народе любить — это значит жалеть. Чувство жалости влечет Шуру к нецелованному, нездешнему, городскому лейтенантину Кондратьеву, хотя любит она капитана Ермакова — и в этой любви, как и во всех своих поступках, она безгрешна.

И Шура (Е. Попова), и капитан Ермаков (А. Зеруев), и старший лейтенант Кондратьев (А. Галибин), и полковник Иверзев (В. Спиридонов) — несомненные актерские удачи.

Не все, упомянутое выше, присутствует в полном объеме на экране. Произведение, написанное пером большого художника, экранизировать без потерь невозможно. Пропадает голос рассказчика, та удивительная художественность каждой фразы, которая и делает произведение замечательным, неповторимым явлением. Неизбежны потери и в биографиях героев.

Но самое главное, что есть в повести Юрия Бондарева, нашло на экране свое воплощение.